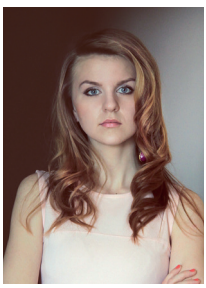
Родионова К.И.

Специфика религиозно-мифологических верований и ритуалов народов Восточной Азии в работах И.И. Серебренникова

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ
№ 14-18-00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)»



К.И. Родионова

Аннотация. Статья посвящена ценному источнику по реконструкции религиозных верований народов Восточной Азии, который хранится в фондах Института Восточных рукописей РАН, – научной публикации известного сибиряка, учёного и писателя Ивана Иннокентьевича Серебренникова «Миф и ритуальный культ в Китае (Поверья, обычаи, обряды)», впервые опубликованной в научном эмигрантском журнале «Вестник Маньчжурии» № 4 за 1930 год. Ценность источника состоит в том, что автором приведены подробные сведения о мифологии и обрядовой деятельности китайцев, полученные им во время работы в научных эмигрантских центрах Китая.

Ключевые слова: русский Харбин, «Вестник Маньчжурии», китайская мифология, дальневосточная эмиграция, Русская духовная миссия, «Китайский благовестник»

Иван Иннокентьевич Серебренников (1882–1953) – русский учёный, писатель, журналист, сибирский общественный деятель. Родился и вырос в Иркутской губернии в крестьянской семье. В 1901 г. окончил иркутскую гимназию. К этому времени относится начало его литературной и политической деятельности. В 1903–1906 гг. принимал участие в революционном движении, подвергался многочисленным преследованиям и арестам[1]. С 1911 г. сотрудничает с газетами «Сибирь», «Сибирские вопросы», «Сибирская жизнь», публикуя в них статьи по истории Сибири[2]. С его именем связывают изучение этнографии Восточной Сибири, истории и экономики Иркутской губернии начала XX – 20-х гг. XX вв. Его вклад в исследования и популяризацию знаний о регионе не утратил значения. До сегодняшнего дня публикации И.И. Серебренникова используются исследователями при написании трудов.

С 1913 г. Серебренников активно занимается общественной деятельностью, становится секретарём Иркутской городской думы. С 1917 г. он – правитель дел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, председатель Административного совета Временного сибирского правительства[3], министр снабжения правительства адмирала Колчака. Значительная часть работ И.И. Серебренникова посвящена теме Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революции. В 1920 г. общественный деятель эмигрирует с супругой в Китай.

Большой интерес представляют труды учёного и писателя, написанные в период эмиграции. В особенности его дневники, ставшие важным источником по истории русской культурной и литературной жизни в Китае[4]. С 1920 по 1921 гг. И.И. Серебренников проживал в Харбине, где читал лекции по сибиреведению и печатался в научных изданиях (газете «Русский голос» и журнале «Русское обозрение»)[5]. В 1921 г. супруги Серебренниковы уехали в Пекин, где Иван Иннокентьевич руководил типографией Русской духовной миссии. Ранее в Пекине он познакомился

с китайцами, называвшими себя албазинцами[6]. В своём труде «Албазинцы» учёный пишет: «Это потомки русских, по капризу судьбы более двухсот лет тому назад поселившихся в Пекине, столице Небесной империи, в количестве нескольких десятков человек. Мы, русские, мало знаем об албазинцах, этих потомках завоевателей Приамурья, не знаем обстоятельств их вселения в Китай и мало что слышали об их бытье-житье на чужбине»[7]. Тему изучения албазинцев И.И. Серебренников продолжает в публикации «Албазинцы: Исторический очерк», вышедшей в журнале «Китайский благовестник»[8].

В 1922 г. супруги переезжают в Тяньцзинь, где Серебренников становится директором Русского коммерческого училища и продолжает заниматься исследовательской деятельностью. Именно в Тяньцзине разворачивается его основная научная работа. Новым направлением его исследований становится этнография народов Китая. При этом, учёный продолжал заниматься сибиреведением. В 1938 г. у супругов Серебренниковых выходит сборник переводов «Цветы китайской поэзии»[9].

Илл. 1. Серебренников Иван Иннокентьевич

Несмотря на наличие в отечественных публикациях сведений о биографии, научных трудах доэмиграционного периода, дневников и воспоминаний в эмиграции И.И. Серебренникова, в научный оборот до сих пор не были введены религиоведческие и этнографические труды учёного, увидевшие свет в эмигрантских научных изданиях. Ярким примером таких трудов служат публикации Серебренникова в харбинском журнале Общества изучения Маньчжурского края «Вестник Маньчжурии» (1923–1934). Среди них: «Китайские народные поверья» (№ 4, 1929), «Аборигены Южного Китая» (№ 9, 1929), «Миф и религиозный культ в Китае (Поверья, обычаи, обряды)» (№ 4, 1930). Научные статьи из «Вестника Маньчжурии» до сих пор не получили всестороннего рассмотрения в отечественной науке и требуют серьёзного изучения[10]. Среди множества политических, экономических и краеведческих публикаций, работы учёного выделяются своей религиоведческой и этнографической направленностью. Его статьи размещены в разделах, посвящённых культуре и быту Китая. Данным вопросам также уделяли внимание харбинские этнографы И.Г. Баранов и И.Н. Верёвкин[11].

В настоящей публикации представлена статья И.И. Серебренникова «Миф и религиозный культ в Китае (Поверья, обычаи, обряды)», не опубликованная ранее в России. Работа не только служит источником реконструкции мифологических верований и обрядов китайцев, но и раскрывает ещё одну из сторон научного наследия учёного и писателя.

Библиографический список

1. Забияко, А.А. Исторический опыт Гражданской войны в произведениях писателей-эмигрантов русского Харбина / А.А. Забияко, А.П. Забияко // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 5. – С. 123–131.
2. Забияко, А.А. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левошко, А.А. Хисамутдинов. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с.
3. Забияко, А.А. «Четверть века беженской судьбы…» (Художественный мир лирики русского Харбина) / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – 428 с.
4. Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 3: Востоковедение: XIX – первая половина XXв. / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. – М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2010. – 252 с.

5. Рудая, О.С. Иван Иннокентьевич Серебренников: жизненный путь и эволюция взглядов сибирского интеллигента (1882–1920 гг.): дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / О.С. Рудая; ИГУ. – Иркутск, 2009. – 328 с.
6. Титаренко, М.Л. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. 2: Мифология. Религия / М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. – М.: Восточная литература РАН, 2007. – 869 с.
7. Хисамутдинов, А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2000. – С. 277–278.
8. Хисамутдинов, А.А. Русская печать в Китае: Описание редких изданий в рус. коллекции Гамильтонской б-ки Гавайского ун-та / А.А. Хисамутдинов // Россияне в Азии: Лит.-ист. ежегодник / Торонтский ун-т, Центр по изучению России и Вост. Европы. – Торонто, 1994. – Вып. 1. – С. 251–282.
9. Хисамутдинов, А.А. Русские в Китае, Корее, Японии и на Тихоокеанском побережье США: монография / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. – 60 с.
10. Хисамутдинов, А.А. Русский литературный Пекин: монография / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 44 с.

[1] Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства. М., 2007. С. 99.
[2] «Красные» дни в Иркутске: Очерки / И. Серебренников // Сиб. вопросы. 1907. 9 авг. (№ 20). С. 13–23; 19 авг. (№ 21). С. 11–16; 25 авг. (№ 22). С. 13–18; 31 авг. (№ 23). С. 10–17; 16 сент. (№ 25). С. 6–10; 23 сент. (№ 26). С. 6–12; 30 сент. (№ 27). С. 4–9; 8 окт. (№ 28). С. 5–9; «Дни свободы» на севере Сибири: (К истории освободительного движения в Сибири) / И. Серебренников // Сиб. вопросы. 1908. 29 февр. (№ 8). С. 31–36; Заселенность Сибири русскими: [На основе материалов Первой Всерос. переписи населения 1897 г.] / И. Серебренников // Сиб. вопросы. 1908. 23 февр. (№ 7). С. 22–27; Населенность Сибири и Средней Азии в 1908 г. / И. Серебренников // Сиб. вопросы. 1908. 16 марта (№ 10). С. 26–29; Половой состав русского и инородческого населения Сибири / И. Серебренников // Сиб. вопросы. 1908. 8 марта (№ 9). С. 24–30; Якуты по данным переписи 1897 г. / И. Серебренников // Сиб. вопросы. 1908. 22 авг. (№ 19–20). С. 70–76; и мн. др.
[3] Шиловский М.В. Серебренников Иван Иннокентьевич // История «белой» Сибири в лицах: Биогр. Справ. СПб., 1996. С. 46.
[4] Серебренников И.И. Мои воспоминания: [в 2 т.]. Тяньцзин, 1937, 1940. Об этом: Серебренниковы И.И. и А.Н. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых, 1919–1934. В 5 т. М., 2006. Т. 1. С. 16–44.
[5] Серебренников Иван Иннокентьевич // Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 3: Востоковедение: XIX – первая половина XX в. / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010. С. 179–180.
[6] Хисамутдинов А.А. Русский литературный Пекин: монография. Владивосток, 2014. С. 14.
[7] Серебренников И.И. Албазинцы. Харбин, 1920. С. 13.
[8] Хисамутдинов А.А. Духовные миссии в Китае, Корее и Японии (конец XIX – первая половина XX вв.) // Известия Восточного института. 2012. № 2 (20). С. 98.
[9] Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» (Художественный мир лирики русского Харбина): Монография. Благовещенск, 2008. С. 125.
[10] Об этом: Эфендиева Г.В., Родионова К.И. «Рубеж» как источник этнографического знания о народах Восточной Азии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11. Благовещенск, 2015. С. 300–301.
[11] Хисамутдинов А.А. Русские эмигранты-востоковеды в Харбине // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 22.

References

1. Gins G.K. *Sibir', souzniki i Kolchak. Povorotny moment russkoy istorii. 1918–1920: Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo Pravitel'stva* [Siberia, Allies and Kolchak. Turning Point of the Russian History. 1918–1920: Impressions and Thoughts of the Member of the Omsk Government]. Moscow, Kraft +, 2007, p. 99.
2. Serebrennikov I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. August 9, 1907, no. 20, pp. 13–23.
3. Serebrennikov I.I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. August 19, 1907, no. 21, pp. 11–16.
4. Serebrennikov I.I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. August 25, 1907, no. 22, pp. 13–18.
5. Serebrennikov I.I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. August 31, 1907, no. 23, pp. 10–17.
6. Serebrennikov I.I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. September 16, 1907, no. 25, pp. 6–10.
7. Serebrennikov I.I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. September 23, 1907, no. 26, pp. 6–12.
8. Serebrennikov I.I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. September 30, 1907, no. 27, pp. 4–9.
9. Serebrennikov I.I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. October 8, 1907, no. 28, pp. 5–9.
10. Serebrennikov I.I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. February 29, 1908, no. 8, pp. 31–36.
11. Serebrennikov I.I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. February 23, 1908, no. 7, pp. 22–27.
12. Serebrennikov I.I. *Sibirskie voprosy* [Siberian Questions]. March 16, 1908, no. 10, pp. 26–29.

13. Serebrennikov I.I. Sibirskie voprosy [Siberian Questions]. March 8, 1908, no. 9, pp. 24–30.
14. Serebrennikov I.I. Sibirskie voprosy [Siberian Questions]. August 22, 1908, no. 19–20, pp. 70–76.
15. Shilovsky M.V. *Istoriya «beloy» Sibiri v litsakh: Biogr. sprav.* [The History of "White" Siberia in Persons: Biographical Background]. Saint Petersburg, 1996, p. 46.
16. Serebrennikov I.I. *Moi vospominaniya: v 2 t.* [My Memories: in 2 Volumes]. Tianjing, 1937, 1940.
17. Serebrennikov I.I. *Kitay i russkaya emigratsiya v dnevnikakh I.I. i A.N. Serebrennikovykh, 1919–1934* [China and the Russian Emigration in Diaries of I.I. Serebrennikov and A.N. Serebrennikov, 1919–1934]. Moscow, 2006, vol. 1, pp. 16–44.
18. Sorokina M.U. *Rossiyskoe nauchnoe zarubezh'e: Materialy dlya biobibliograficheskogo slovarya. Vyp. 3: Vostokovedenie: XIX – pervaya polovina XX v.* [Russian Scientific Abroad: Materials for the Bio-Bibliographic Dictionary. Vol. 3: Oriental Studies: the 19th – the first half of the 20th century]. Moscow, Dom Russkogo zarubezhya im. A. Solzhenitsyna, 2010, pp. 179–180.
19. Khisamutdinov A.A. *Russkiy literaturniy Pekin: monografiya* [Russian Literary Beijing: Monograph]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dalnevostochnogo universiteta, 2014, p. 14.
20. Serebrennikov I.I. Albazintsy [The Albazins]. Harbin, 1920, p. 13.
21. Khisamutdinov A.A. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies]. 2012, no. 2 (20), p. 98.
22. Zabiyako A.A., Efendieva G.V. *«Chetvert' veka bezhenskoy sud'by...» (Hudozhestveniy mir liriki russkogo Harbina): Monografiya* ["A Quarter of a Century of Refugee Fate…" (The Artistic World of the Russian Harbin Lyrics)"): Monograph]. Blagoveshchensk, Amursky gosudarstvenny universitet, 2008, p. 125.
23. Efendiyeva G.V., Rodionov K.I. *Rossiya i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh* [Russia and China at the Far Eastern Borders]. Blagoveshchensk, 2015, vol. 11, pp. 300–301.
24. Khisamutdinov A.A. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies]. 2013, no. 1 (21), p. 22.

Серебренников И.И.

Миф и религиозный культ в Китае (Поверья, обычаи, обряды)

Сложный характер китайского религиозного культа

Как известно, китайский сонм божеств весьма обширен, в особенности, если иметь в виду не только чисто народный китайский культ, но и такие распространённые в Китае религиозные доктрины, как буддизм и даосизм.

Охватить, понять и описать многообразие китайских воззрений, сложившихся на протяжении многих веков жизни страны, со всем многообразием чтимых божеств, – задача огромной сложности. Но эта задача может быть значительно облегчена, если из поля зрения исследования выделить, как самостоятельный объект познания, народный культ и иметь в виду при описании только тех божеств и мифических духов, которые наиболее занимают народное воображение.

Настоящая статья и имеет целью дать характеристику китайских народных религиозных воззрений, поскольку они нашли своё выражение в культе, в мифологических представлениях, обычаях и обрядах.

Культ деревьев

Если в религиозном представлении китайцев миру людей на земле соответствует мир духов по ту сторону земного существования и между обоими мирами имеется тесное взаимодействие, то, естественно, подобные концепции сложились у них в частности также по отношению к растительному и животному миру. Всякие живые существа могли считаться вместилищами духов, которые продолжали своё существование и после смерти их видимых носителей. Духи животных и растений могли также оказывать доброе и злое влияние на людей, которые поэтому должны были вырабатывать те или иные нормы своего поведения по отношению к ним. Отсюда мог возникнуть культ деревьев или животных. Иные животные могли стать в особое близкое соприкосновение с человеком, более интимно влиять на его судьбу, сделаться как бы его покровителем. Это приводило к возникновению тотемизма, появлению тотемов, покровителей семьи, рода, города, области. Наконец, то или иное растение или животное могло стать иногда убежищем какого-нибудь прославленного предка и получить поклонение.

Мы говорим об этих представлениях в прошедшем времени, ибо считаем, что культ животных и деревьев, был присущ китайской старине, и в настоящее время можно говорить только об остатках этого культа, тех или иных его пережитках. Лишь в плоскости очерченных выше представлений надо искать, например, объяснений сложившегося у китайцев верования в животных-оборотней.

Всё же и в настоящее время китайцы нередко полагают, что деревья могут быть убежищем духов. Срубка такого дерева может повлечь большие неприятности для окрестного населения. В южной части провинции Фуцзянь китайцы не осмеливаются рубить большие деревья, ибо духи, обитающие в них, считаются весьма опасными. Рассерженные, они могут навлечь на людей болезни и другие несчастья. Иногда крестьяне здесь всё же, срубая дерево, извиняются перед ним за ту боль, которую они вынуждены причинить ему, и говорят: «Нашим детям холодно, и у нас нет дров, чтобы затопить печку и приготовить пищу». Это напоминает те извинения, которые приносят многие сибирские инородцы перед убитым медведем.

Не все деревья, или вернее, их духи представляются опасными. Некоторые из них, наоборот, являются милостиво расположенными к человеку. Таковы, например, ива, персик, клён. Недаром эти деревья играют такую большую роль в китайской заклинательной практике. Особенно разнообразные добрые качества приписываются иве.

Можно отметить, что официально канонизированным в Китае деревом является так называемое джинко – дерево (*Salisburia adiantifolia*), которое считалось покровителем Маньчжурской династии[1]. Это дерево было обожествлено в своё время специальным императорским эдиктом. В различных районах Китая, большей частью при храмах, можно найти иногда то или иное священное дерево, имеющее

местный культ. Ветви таких деревьев обычно увешиваются бумажными свитками и лоскутками ярких цветов; перед ним поклонниками возжигаются курения и ставятся пищевые приношения.

Культ животных

Культ животных в Китае имел, нужно думать, более заметное выражение, чем культ деревьев, и его пережитки встречаются сравнительно чаще. Если судить по китайскому фольклору, народное воображение занимали такие животные, как гроза злых духов – тигр, волк, лисица и другие, коим приписываются способности оборотничества, а также некоторые грызуны, земноводные и даже насекомые[2]. Дикие звери имеют своего бога-управителя, называемого Юань Да. До сих пор по всей стране в довольно широких размерах сохранился культ лисицы-оборотня. В честь неё воздвигаются небольшие храмы-алтари, где можно встретить изображение оборотня в человеческом виде; перед этими изображениями возлагаются местными жителями должные приношения.

В центральном Китае, в провинциях, изобилующих реками и озёрами, довольно отчётливо сохранился культ духа зелёной лягушки. В долине Янцзы эта лягушка стала чем-то вроде второстепенного божества водяной стихии, столь важной для успешного культивирования риса. Здесь лягушки часто имеют свои собственные, посвящённые им храмы. Особенно широко распространён культ лягушки в Чжэцзянской провинции. Лягушкам в храмах предоставляется полная свобода, и они совершают небольшие прогулки, забираясь порою в соседние дома частных жителей. С ними связано много народных поверий и обычаев суеверного характера.

В храме Тан-чжэ-сы, находящемся в западных горах в районе Пекина, живут священные змеи. Их квартирою служит здесь большой красный лакированный ящик с надписью на нём: «Короли драконов, хранители закона». Змеи имеют полную свободу передвижения по храму, иногда оставляют последний, возвращаясь затем домой под звон вечерних колоколов. Народное сказание гласит, что в глубокой древности на том месте, где стоит монастырь, был пруд, в котором жили два дракона. Когда был построен храм, вода из пруда исчезла, а драконы превратились в змей.

В качестве пережитка старины можно указать, далее, на существование духа саранчи. Этот дух, нужно думать, в позднейшие времена был обожествлён, персонифицирован и отожествлён с личностью какого-то китайского генерала «Страшного маршала Лю». Под этим именем бог саранчи имеет свой культ и особенно почитается в Хобэской и Шаньдунской провинциях. К югу от реки Янцзы крестьяне молятся богу саранчи под другим именем при небольших алтарях, которые нередко представляют из себя простые необработанные камни. Совершая поклонение «Королю саранчи», как иногда ещё называется это божество, китайские земледельцы надеются, что он направит саранчу в какое-либо другое место, где люди не так строго соблюдают нужные обычаи.

Имеется также бог кузнечиков. А всем миром насекомых ведает бог Чун Ван.

Поверья и обычаи, связанные с культом животных

В вековой борьбе китайцев с зловредными и ядовитыми животными и насекомыми выработалось с течением времени представление о «пяти ядовитых рептилиях». Это – гадюка, скорпион, сколопендра, жаба и паук. В старину, вероятно, раз в год происходили общенародные обряды, связанные с заклинательной практикой, направленной против этих ядовитых созданий. Пережитки этих обрядов можно ещё видеть во время праздника «Лодка дракона», происходящего в 5-й день 5-й луны. В этот день китайцы пекут сладкое печенье, на верхней части которого делаются некоторые подобия указанных пяти ядовитых существ. Это печенье служит праздничным угощением и играет роль праздничного подарка. Многие матери в этот же день приготовляют что-то вроде мази, одной из составных частей которой является сера. Этой мазью они мажут ноздри и ушные отверстия детей, дабы сохранить их от опасности ядовитого укуса пресмыкающихся и насекомых.

В атмосфере древнего поколения животным и растениям или их одухотворениям и олицетворениям сложились, нужно думать, и многие народные поверья и суеверия. Старики, хранители этих поверий, поведают, например, вам, что большой китайский праздник – Новый год – является днём рождения не только людей,

но и животных и растений. Первый день Нового года – это день рождения сов, второй – собак, третий – свиней, четвёртый – уток, пятый – быков, шестой – лошадей, седьмой – людей, восьмой – риса и некоторых других зерновых хлебов, девятый – плодов и овощей, десятый – пшеницы и ячменя. Далее они расскажут о суевериях, связанных с каждым из этих дней, и сообщат, например, о том, что в утиный день общественные бани, закрытые на Новый год, должны быть вновь открыты для публики. А чтобы это открытие оказалось благоприятным, должно пригласить даосских или буддистских священников, которые ощиплют цыплёнка, обрызгают вином изо рта убитую птицу, отрубят у неё голову и хлынувшей кровью окропят дверь бани. Это будет гарантией, что никто в наступившем году не утонет в водоёмах бани и не задохнётся от угара или пара. Шестой «лошадиный» день – это счастливый день для посещения родственников; в седьмой, «людской» день – лучше оставаться дома и съесть красные бобы – семь для мужчины и четырнадцать для женщины, чтобы предохранять себя от болезней, и т.д.

Четыре сверхъестественных существа

Вероятно, в глубочайшую старину на почве культа животных сложились у китайцев представления о четырёх сверхъестественных существах: драконе, единороге, черепахе и фениксе, носящих в настоящее время чисто мифический характер. Дракон является главою указанных сверхъестественных существ. Он представляется как бы государственным тотемом Китая и является его национальной эмблемою. Дракон в Китае – существо благое и добродетельное, и этим же в корне различествует от подобных же существ в мифологии Ближнего Востока, Египта и Европы, где он обычно рисуется лютым чудовищем. Там и здесь он, однако, ассоциируется обыкновенно с водной стихией. Возможно предположить, что представление о драконе могло возникнуть в глубочайшую старину из культа поклонения какому-либо исполинскому ящеру, ныне вымершему.

Илл. 2. Изображения драконов на фронтоне одного из дворцовых строений. Пекин

Внешне китайский дракон, с извивами его тела, удачно символизирует именно водяную стихию, если мы представим себе реки с их изгибами и излучинами, пары воды, подымающиеся с океанов в атмосферу и собирающиеся здесь в извивающиеся облака и тучи, падение дождя на землю, собирание павшей влаги в реки, её возвращение в океан и новый подъём в атмосферу. Как разнообразно и повсеместно проявляет себя водная стихия, так же разнообразны и повсеместны драконы, кои все, однако, повинуются королю – Лун Вану. Некоторые драконы – в несколько миль длиною, другие – не больше шелковичного червя. Одни имеют крылья и рога, другие – пурпуровые усики. Все отличаются зорким зрением. Возможно, что они зимою спят где-то в глубинах океана, а летом вздымаются на облака, откуда и посылают дождь.

Всякие первоначальные народные представления с течением времени затемняются, благодаря позднейшим наслоениям, дополнениям и разъяснениям. То же самое, нужно думать, происходило и с народным представлением китайцев о драконе. Известно, что уже за тысячу лет до христианской эры культ дракона подвергся

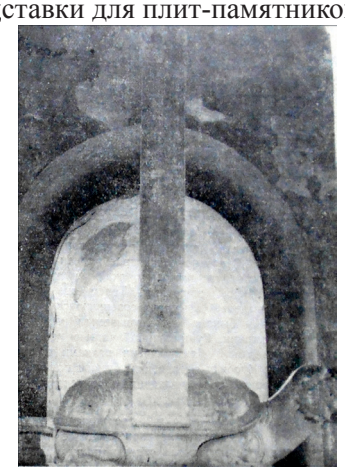
регулированию с высоты престола. Сунская династия в 1110 году до Р.Х. официально санкционировала «пять больших драконов», во главе с Лун Ваном. Ближайшие к королю-центру четыре дракона были связаны с временами года и странами мира. Востоком заведует голубой (или зелёный) дракон, отождествляемый с весною, западом – белый (осень), севером – чёрный (зима) и югом – жёлтый (или красный), отожествляемый с летом. Появились драконы, охраняющие столицу Китая. Слово «дракон» стало символом императорской власти. При династии Мин эмблемою императорской власти стал красный дракон, при Маньчжурской династии – жёлтый или золотой.

Неудивительно, если такая большая популярность дракона в Китае была в своё время использована служителями даосского и буддистского культов в целях успеха соответственных религиозных учений. Даосы изобрели и приняли «Четырёх золотых драконовых князей», которые живут в глубинах океана и питаются перлами и опалами. В их же разнообразном пантеоне имеется «Старая мать-дракон». Буддисты также имеют своих «Драконовых королей четырёх морей». Те и другие приняли, также, в свой пантеон Лун Вана, «божественного распределителя дождя». Это – китайский Нептун, живущий в прекрасном дворце, где-то в глубинах Восточного моря. День рождения дракона соблюдается всюду. Так называемые драконовые процессии в его честь совершаются в разное время, но особенно во время пятой луны, когда следует позаботиться об испрошении дождя, и снова к концу шестой луны, когда надо поблагодарить дракона за посланный дождь. В обоих случаях бумажное изображение дождевого дракона парадирует по улицам в сопровождении толпы народа под шум гонгов и хлопушек. Изображение дракона достигает иногда крупных размеров, будучи поддерживаемо во время процессии многими кули, играющими роль живых позвонков этого монстра. Детали таких дождевых процессий сильно варьируют по различным районам Китая.

Остальные три сверхъестественные существа – феникс, единорог и черепаха – много уступают дракону в своей популярности среди китайского народа. Феникс, по-китайски называемый фын-хуан, – мифическая птица, похожая частью на павлина, частью на фазана, фаворит искусства и легенд, благодетельное существо, редко появляющееся среди людей, – обычно в качестве предвестника добрых времён. Единорог (линь) представляется животным с телом оленя, хвостом быка и одним рогом на голове. Он полон благожелательства по отношению ко всем живым созданиям. Черепаха, как особое сверхъестественное и духовно одарённое существо, нередко фигурирует в китайских мифологических сказаниях и легендах. Это существо, ищущее уединённого, тихого места, является источником счастья. Оно обладает большой долговечностью и способностью изменять свою форму. Каменное изображение черепахи часто употребляется в Китае в качестве подставки для плит-памятников.

В то время, как дракон, феникс и единорог не имеют своего отображения в современной китайской фауне, нельзя того же сказать относительно черепахи. Поэтому в последнем случае нужно различать черепаху, как особое, сверхъестественное существо, и черепаху, как определённый вид животного.

Судя по обилию в Китае всякого рода поверий о тигре и легенд, с ним связанных, аналогичные воззрения существовали, по-видимому, у китайцев и относительно этого хищного животного. Поэтому, может быть, следовало бы в Китае всегда различать также и тигра, как особое сверхъестественное существо, особую тигровую субстанцию, и обыкновенного тигра, как выражение этой субстанции. Если это так, то тогда нужно было бы считать в Китае пять сверхъестественных существ, а не четыре, как это обычно принято.



Илл. 3. Сверхъестественное существо «черепаха» часто служит постаментом для могильных памятников

Культ природы

Культ природы, одухотворение и обожествление её различных явлений, существовал в Китае с незапамятных времён, существует и теперь, правда, не в таком распространённом виде и не в такой отчётливой форме, как это было ранее. Возник ли этот культ в атмосфере анимизма, или же он явился побочным результатом присущего китайцам культа мёртвых, или же, наконец, то и другое внесли свою долю участия в формировании поклонения природе, – трудно сказать. Но, так или иначе, поклонение природе в Китае существовало прежде и отчасти существует в настоящее время. Оно выражалось в культе гор, рек, озёр, морей, почвы, земли, таких атмосферных явлений, как гром, молния, облака, дождь, ветер и т.д. С течением времени многое в культе изменилось. Некоторые категории были антропоморфизированы и обожествлены.

Горы, особенно высокие и большие, были с давних времён предметом поклонения китайцев. Путники, вступая в горные проходы, делали приношения и возлияния духам гор с надеждою благополучно совершить своё путешествие. Многие горы считались священными и были центрами паломничества. Со временем всеми такими горами воспользовались для своих религиозных целей даосы и буддисты. С усилением культа Неба вершины высоких гор могли быть рассматриваемы как естественные алтари для поклонения небесной стихии. Священных гор в Китае большое множество и в настоящее время; из них наиболее известной, привлекающей ежегодно огромные толпы паломников, является гора Тай-Шань в Шаньдунской провинции, находящаяся недалеко от места родины знаменитого китайского мудреца Конфуция. Самая гора, её скаты и подход к ней усеяны храмами и алтарями «трёх вер» Китая. Многие китайские императоры удостоили эту гору личным своим посещением. Алтари, посвящённые «духам священных гор», можно находить в больших городах Китая[3].

Культ рек в Китае также неопределённо древен и восходит к тем временам, когда китайцы были столько же рыбаками, сколько и земледельцами (иероглиф для «пищи» производится от иероглифа для «рыбы»), и зависели в своих средствах существования преимущественно от рек и дождя. Реки становились страшными для человека в случаях наводнений. Их духи подлежали умилостивлению. Возможно предположить, что на этой почве возник популярный в Китае праздник «Лодка дракона». По официальному канону, священных рек в Китае считается четыре: Янцзы, Хуанхэ, Хуйа и Чжи. Поклонение гениям гор и рек являлось одной из составных частей императорского культа в Китае. Культ моря вызвал появление целого ряда морских божеств, преимущественно богинь. Особенно почитается на юго-востоке Китая богиня Тянь Фей, покровительница моряков. Происхождение этих богинь окутано разного рода легендами и мифами.

Повсеместен в Китае культ Земли, уступающий по своей распространённости и популярности разве лишь культу Неба. Таблицы Неба и Земли имеются почти в каждом китайском доме. Перед ними возжигаются курения и им делаются приношения при всех важных обстоятельствах жизни и в большие китайские праздники. Наряду с общим культом земли в Китае развились и некоторые другие культы, связанные столько же с землею, сколько и с земледелием. Это – культы богов и духов почвы, урожая, «зелёных ростков», зерна и др. Самым старейшим из этих божеств является Хоу Ту, известное как «Лоно земли», представляемое то в мужском, то в женском виде, считаемое иногда воплощением древних мудрецов, которые изобрели земледелие и отделили землю от вод каналами[4].

Празднование в честь земли происходило в Китае в начале весны, знаменующей собою пробуждение природы, и выпадало примерно на середину первого лунного месяца. Вероятно, в прежние времена оно сопровождалось сложным ритуалом, включавшим в себя и жертвоприношение животных. Теперь же в этот праздник, называемый ли-чжун, совершаются процессии с «весенним быком», приготовляемым из бумаги, как и его погонщик. Существенной частью церемонии является битьё быка бамбуковыми палками и затем сожжение его. Кусочки обгоревшей бумаги подбираются при этом зрителями, считающими их счастливыми талисманами.

Культ неба и светил

Культ неба в Китае нашёл своё наиболее яркое и торжественное выражение в императорском ритуале страны, причём и в общем народном культе природы он занимает весьма выдающееся место. Возник он в глубокой древности, возможно ещё в ту эпоху, когда китайцам был свойственен пастушеский образ жизни. Процесс одухотворения неба был, вероятно, процесс медленный и развивался постепенно; небо – далеко от людей, и поэтому менее легко постигаемо: всё, чего нельзя было объяснить и что шло издалека, вероятно, исходило от него. С течением веков небо в Китае превратилось в божество большого могущества и силы, всезнающее и всевидящее. Его власть и могущество распространяются по земле через различных агентов, подобно тому, как сам китайский император управляет своими подданными через своих высоких и малых чиновников. В связи с развитием культа предков китайское религиозное сознание создало представление о высшем существе – Шан Ди, которое, с одной стороны, отожествляется с небом, а с другой – почитается как «первый предок китайской расы». Конфуций определяет его как «управляющую силу природы» и «верховного арбитра человеческих судеб». Возможно, что Шан Ди – это мало осознанный результат устремления китайцев к монотеизму: это – суверен того мира, «император», управляющий всеми духами и божествами, жительствующими высоко на небе. Можно предположить, что культ Шан Ди возник значительно ранее культа собственно неба и развился из присущего китайцам с глубокой древности культа предков. Небесный император, прародитель китайского народа, Шан Ди мог получать поклонение только от земного императора; простые смертные не могли дерзать обращаться прямо к нему. Однако с течением времени, поклонение Шан Ди развилось в поклонение небу, как его видимому убежищу, и представления о том и другом получили несколько смешанный характер. Может быть, в этом случае мы имеем один из ярких примеров доказательства того, что поклонение отдельным стихиям природы могло получить в Китае своё происхождение именно от культа предков, вытекающего из основных начал религиозного миросозерцания китайцев. Поклонение небу в повседневной жизни китайцев происходит в большие праздники, обычно одновременно с поклонением земле. Как мы уже говорили, таблицы неба и земли имеются почти в каждом китайском доме.

В противоположность небу и земле культ солнца не имеет в Китае яркого выражения. Он, пожалуй, даже меньше выражен, чем культ луны. Во всяком случае, солнце фигурирует в китайской мифологии гораздо реже, чем луна. Мифы о солнце нередко связываются с петухом. Праздник солнца, «господина света», приходится на второе число второй луны. В этот день простой народ приготовляет особые печенья, в том числе из текста выпекаются петухи, окрашиваемые в красный цвет. Перед полуднем ставятся во дворе семейные жертвенные алтари, фасадом к солнцу, и происходит поклонение. Празднество в честь луны совершается 15-го числа восьмой луны и, совпадая с осенним праздником жатвы, является одним из трёх больших китайских праздников. Луна – «королева ночи» связывается китайцами с водяной стихией, так как уже давно в Китае была подмечена её связь с морскими приливами и отливами; может быть в этом обстоятельстве и надо искать причину большей популярности у китайцев этого ночного светила в сравнении с солнцем. В воображении китайцев луна представляется женским божеством, олицетворением темноты, воды, холода и женской покорности, в противоположность солнцу, мужскому божеству, олицетворению света, жары, тепла и мужского господства. Оба образуют небесную супружескую чету, на попечение коей вверяется мир со всеми его делами.

В праздник луны также приготовляются особые печенья. Исторически лунные печенья связаны с моментом низвержения монгольского владычества в Китае, так как в этих печеньях посылались из дома в дом послания с призывами к восстанию; некоторые из них изображают зайца, мифологически связываемого в Китае с луной. В этот же день продаются на улицах глиняные и бумажные изображения «лунного» зайца. В воображении китайцев лунные пятна представляют из себя зайца, приготовляющего под священным деревом в своей ступе пилюлю бессмертия. Другим популярным обитателям луны является жаба. Обряд выдвижения алтаря во двор с приношениями и курениями, поклонами луне и сжиганием изображения

лунного зайца совершается в полночь и выполняется женщинами. Празднества в честь луны нередко продолжаются три дня, сопровождаясь различными развлечениями и обрядами. Праздник фонарей, заканчивающий собою новогодние празднества, очевидно, был когда-то тоже связан с культом луны, как это явствует из его официального названия – «праздник первой полной луны».

Поклонение божествам звездного пантеона совершается 18-го числа, а в некоторых местах 8-го числа первой луны. В этот день люди должны вспомнить о своих счастливых звёздах и отблагодарить их. Планеты и созвездия для китайцев – не пустые слова, но убежища различных духов, героев, божеств, имеющих большое влияние на судьбы людей. Поклонение звёздам происходит ночью перед алтарём, который становится «лицом» к северу. На алтарь ставятся отпечатанные на бумаге цветные изображения звёздных богов и циклических знаков. Хозяин дома делает поклонение всем этим божествам сразу и затем совершает специальное моление звезде, под которой он родился. Такое же моление он совершает в день своего рождения, но повторяет его и в новогоднюю луну, так как новый год в Китае принято считать днём рождения каждого человека. Женщины в поклонении звездам в этот праздник не участвуют.

Среди звёзд особенно занимающих народное воображение, можно выделить Полярную звезду, Юпитер, Венеру, созвездия Большой и Малой Медведицы.

Из многих китайских мифологических созданий, относящихся к небу и светилам, можно ещё выделить «небесную собаку», коей, по-видимому, приписываются стремления проглотить солнце или луну во время затмений. Слухи о возможном появлении «небесной собаки» на земле вызывали иногда в истории Китая народную панику. Такая паника возникла, например, в 514 году нашей эры, когда распространились среди народа слухи о том, что на земле появится эта собака и что для неё потребуется приготовить пищу в виде человеческой крови и печени. Такая же паника появилась 25-ю годами позднее и продолжалась в течение нескольких месяцев. С закатом солнца люди баррикадировали двери своих домов и с дубинками в руках несли ночной караул, поджидая таинственного врага.

Так как стихия огня в народном представлении связывается обычно с небом и его светилами, то здесь необходимо также упомянуть о существующем в Китае культе бога огня. Культ этот сильнее выражен на юге страны, чем на севере её. В Кантоне, например, в старое время празднества в честь бога огня сопровождались торжественными церемониями и процессиями и длились много дней. Правда, в настоящее время культ бога огня занимает скромное место в китайском народном пантеоне. Можно указать, как на связанный с этим культом, на праздник Хань-Ши, соблюдаемый ещё кое-где в Китае накануне весеннего праздника мёртвых. Ханьши – это «праздник холодной пищи». В этот день нельзя есть ничего горячего, как равно возжигать и самый огонь в течение суток. В прежние времена этот обычай был связан с торжественным, совершаемым раз в году, обрядом потушения старого огня и возжигания нового. Хань-Ши совпадал тогда с трёхдневным промежутком между этими двумя моментами обрядности культа огня. Новый огонь добывался при этом или с помощью отражательных металлических зеркал, или путём трения друг о друга двух кусков ивового дерева. До времён монгольской династии обряд добывания нового огня входил и в императорский ритуал, сопровождаясь живописными церемониями.

Божества-покровители

Культ божеств-покровителей в Китае теряет своё происхождение во тьме веков, зародившись, быть может, в атмосфере поклонения добрым духам, шэнь, и наиболее отличившимся в земной жизни предкам. Культ этот в Китае с течением веков подвергался неоднократному официальному регулированию, вероятно, при участии известного в истории китайского государственного учреждения «Бюро Обычаев». На этот культ даосизм и буддизм оказывали своё влияние, особенно первый. Каждая область, уезд, город, село, дом, отдельные части дома нуждались в своих гениях-покровителях. Это же покровительство приобретали различные стороны человеческой деятельности, будет ли это земледелие, ремёсла, война, или литература, медицина и т.д.; равным образом – различные социальные установления, как семья и брак,

а также разные отдельные человеческие состояния, как богатство, счастье и долговечность. Так, большой известностью в мире гениев-покровителей в Китае пользуются так называемые «городские боги»: Чэн Хуан, Лао Е. Уже во времена династии Тан (620–907 нашей эры) культ городских богов получил заметное развитие, и городской бог-покровитель тогдашней столицы Китая (Сианьфу) был возведён в княжеское достоинство.

Обязанности городского бога, по воззрению китайцев, разнообразны. К ним относятся: защита города от неприятеля, эпидемий и катастроф; покровительство его жителям вообще; преставления небу о добрых делах людей и аду о худых делах; попечение о мёртвых и посылка своих помощников для сопровождения отходящих душ во «Дворы Наказания». Эти перечисления обязанностей ясно показывают, что они составились не без влияния даосской концепции об аде. В общем, городской бог является могущественной персоной. С ним важно установить добрые отношения, и его храм становится часто посещаемым местом. Регулярные служения в храме совершаются дважды в месяц, первого и пятнадцатого числа, и приношения делаются в день Нового года при восходе солнца.

Городской бог, восседающий в своём храме, изображается обычно в виде большой человеческой фигуры, одетой в длинную робу, шапку учёного, чёрные сатиновые боты с белыми подошвами. Сидит он в кресле перед столом, на котором разложены различные эмблемы. Вследствие тесных связей «городского» бога с подземным миром, изображение его выносится из храма три раза в год, в дни «праздников мёртвых», и в торжественной процессии носится по городу, сопровождаемое многими другими фигурами, соответственно его культу и значению. В честь городского бога в конце 12-й луны, перед Новым годом, нередко устраиваются в его храме театральные представления. В это же время здесь, в храме, могут найти убежище и укрыться должники, спасающиеся от своих кредиторов. Должник получает это право временного убежища под кровом бога как раз в такое время, когда в Китае принято заканчивать денежные расчёты и производить уплаты по накопившимся долгам.

Как каждый город в Китае имеет своего «городского бога-покровителя», Чен Хуана, так каждая деревня имеет своего «местного бога-покровителя», Ту Ди. Эти Ту Ди являются местными патронами данного округа, деревни или даже группы строений, и они стоят ближе к китайскому крестьянину, чем какие-либо другие божества. В разные моменты жизни он чаще всего обращается со своими молениями или выражениями благодарности к местным «правителям почвы» и своим Ту Ди, «покровителям места». Ту Ди и его супруга обыкновенно изображаются в виде грубо сделанных глиняных фигур и один-два фута высотою. На ветвях стоящего вблизи алтаря дерева или на воткнутых в землю шестах часто можно видеть прикреплёнными и реющими на ветерке красные лоскутки. Эти флажки приносятся жителями, ищущими излечения от болезней.

Весьма популярными затем в Китае, как в городе, так и в деревне, являются «домашние» боги, китайские лары и пенаты. Это, в сущности говоря, те же Ту Ди, покровительство коих ограничивается домом, семьёй. В ряду этого рода божеств выделяется бог Цао Ван. Он – не только бог очага и домашнего уюта, но и цензор домашней морали. Его изображение висит в китайской кухне, где-нибудь недалеко от печи. В конце двенадцатой луны, 23 и 24 числа, незадолго до Нового года, совершается празднество в честь Цао Вана. Ему делаются приношения и воскурения, приносятся молитвы. Изображение его выносят во двор и здесь, под шум взрывающихся хлопушек, сжигают. Предполагается, что Цао Ван отправляется в этот день в путешествие на небо, где он делает сообщение высшим силам о поведении опекаемой им семьи за истёкший год, о худых и добрых её делах за это время. Глава семьи, совершающий обряд отправления Цао Ван на небо, умоляет бога побольше рассказывать о хороших делах и поменьше о худых.

В дни перед Новым годом, по воззрению китайцев, необходимо также обновить наклеиваемые на уличных воротах изображения богов-покровителей ворот и охранителей дома от злых духов. Первоначально это были духи-покровители дома, подобно Ту Ди, оказывавшие специальное покровительство уличным дверям, но со времени VII столетия нашей эры они были отождествлены с двумя китайскими

генералами, оказавшими в своё время личные услуги императору Тай Цзуну, бесстрашно охраняя его в течение его болезни от злых духов. Поклонение домашним богам в канун Нового года в общем совершается в таком же объёме, как и поклонение таблицам неба и земли: возжигаются свечи, курения, взрываются хлопушки, ставятся пищевые приношения, делаются поклоны. Затем сжигаются бумажные изображения денег в виде слитков серебра, покрытые золотой или серебряной фольгой. Предполагается, что боги тоже нуждаются в деньгах.

Илл. 4. Храм бога Ту Ди

Илл. 5. Бог Ту Ди Лао Е и его супруга – покровители деревень

Весьма популярен в Китае бог богатства Цай Шэнь, своего рода китайский Меркурий. Его изображения можно встретить в китайских лавках, магазинах, а также и в частных домах; изображение бога богатства раз в году сжигается и заменяется новым. Празднование в честь этого бога совершается 3-го или 4-го числа первой луны. Поклонение ему производится в обычном порядке дома, причём среди атрибутов обрядности этого поклонения иногда фигурируют живые рыбы, большею частью карпы, являющиеся в Китае символом богатства. В больших городах, где имеются храмы бога богатства, его поклонники не преминут явиться туда в дни его праздника, чтобы показать и здесь знаки своего внимания и уважения популярному богу. Патроном земледелия считается бог Сянь Нун, отождествлённый с Шэнь Нун, одним из императоров страны, изобретателем плуга. Поклонения ему совершались раннею весною, нередко прямо на полях, иногда с жертвоприношением быка. Культ этого бога земледелия находил своё центральное выражение в императорском культе Китая и отсюда распространился по всей стране. Покровителем скота является бог Ню Ван, простые алтари которого, иногда в виде груды необделанных камней, можно видеть в сельских местностях Китая. Патронессою шелководства и шелковичных червей является богиня Ма Тоу-нян. Она отождествляется с женою мифического императора Хуан Ди. Культ её получил по преимуществу официальное выражение.

Наконец, почти все ремёсла и профессии Китая имеют своих патронов. Так, например, патроном плотников является Лу Бань, китайский Архимед, которого сопоставляют иногда с одним изобретателем времён Конфуция. Празднование в честь его совершается во время шестой луны в разных местах, в разные дни. Перед закладкою дома полезно воздать этому богу курения и возжигания. Пышные процессии в честь Лу Баня совершали когда-то плотники в Кантоне. Главнейшими патронами литературы, учёных и студентов считаются Вэнь Чан и Гуй Син. Патроны медицины и исцелители разных болезней, входя в состав различных пантеонов – народного, императорского, буддийского и даосского, весьма многочисленны в Китае. Наибольшее внимание народ уделяет Яо Вану, «небесному доктору» и «королю лекарственных средств». Популярны также девять богинь – «девять госпож-исцелительниц

так называемые Нян Нян. Парикмахеры в Китае почитают своим патроном Ло Цзу; мастера по выделке ковров и войлока – Чжан Тань-фо; бумажные фабриканты – Цай Лунь. Сапожники видят своего покровителя в Сун Бинь, обожествлённом герое IV века нашей эры; портные – в Хуан Ди, мифическом императоре Китая; водовозы и водоносы – в Лун Ване, короле драконов; актёры – в Лао Лан-шэнь и т.д. Богом войны считается в Китае Гуан Ди, обожествлённый в XVIII столетии китайский генерал, совершивший свои подвиги во времена, так называемого «троецарствия» в Китае (221–265 нашей эры). Можно указать далее, что одновременно с появлением огнестрельного оружия в Китае возник культ У Ху Шэнь – «пяти тигровых духов», покровителей артиллерии. Поклонение им совершается 25-го числа шестой луны. Особняком стоит среди божеств-покровителей милосердная богиня Гуан Инь, позаимствованная китайским народным религиозным сознанием из буддийского пантеона страны. Это – богиня жалости и милосердия, мадонна Китая. В то время как других богов здесь боятся, её все любят. Являясь эмблемою женственности, она покровительствует женщинам и детям. Она же – утешение всех путешествующих и плавающих, ищущих её заступничества в невзгодах пути.

Культ предков

Культ мёртвых, вообще, и культ предков, в частности, имеет в Китае широчайшее распространение и находится в тесной связи с народными верованиями китайцев в добрых и злых духов. Мёртвые здесь – предмет культа богатых и бедных, молодых и старых. Прямо или косвенно нужно сделать всё для удобства мёртвых, дабы отвратить те беды, которые духи умерших могут причинить живым людям на земле. Видимым выражением на земле духов умерших предков являются таблицы. Таблицы хотя и варьируют немного по своему виду и размерам в отдельных провинциях Китая, и общем представляют собою деревянные пластинки, поставленные на деревянные же пьедесталы. На них пишутся иероглифы, означающие посмертное имя умершего, даты его рождения и смерти. Таблицы предков хранятся у китайцев по-разному, в зависимости от достатка той или иной семьи. Богатые семейства имеют нередко специальный «зал предков», обычно в виде отдельного здания или отдельной комнаты в доме. Среди бедных для этой же цели может служить специальный алтарь, поставленный на почётном месте жилой комнаты, шкаф, полка или даже мешок. Число таблиц предков в семейном алтаре обычно не превышает пяти или шести, и они не идут дальше пятого поколения. Таким образом, в таблицах представлены только недавно умершие. В богатых семействах имена отдалённых предков, насколько это позволяет семейная память и традиция, написанные на бумажных свитках, висят в «зале предков», причём нередко для отличившихся чем-либо предков прибавляются восхвалительные надписи. Поклонение таблицам предков, а через них и самим предкам, выражается в различных формах, чаще всего в возжигании курений, в приношении разных предметов и в земных поклонах – кэтоу, и производится в особенно знаменательные семейные дни и некоторые праздники.

Особенно большое внимание оказывается духам предков в праздник Нового года. Поклонение духам предков, непосредственно после поклонения небу и земле и домашним богам, совершается в канун Нового года до полуночи, в знак расставания со старым годом, в благодарность за оказанные в прошедшем году милости свыше. Глава семьи произносит некоторые краткие молитвы, вспоминает, чем семья была обязана прошлым поколениям и совершает поклоны перед таблицами предков. Такие же поклоны делают другие члены семьи. Затем перед таблицами ставятся приношения из избранных праздничных яств и питий, каковые после убираются и съедаются семьёю в согласии с древними обычаями, которые говорят, что «жертвенные приношения должны быть с уважением съедаемы теми, кто присутствует при приношении».

После полуночи, уже с наступлением Нового года, в час тигра, т.е. между тремя и пятью часами утра, снова происходят «тройные обычаи», т.е. поклонение небу и земле, предкам и домашним богам. И затем уже в течение двух недель, обычно до 16-го числа первой луны, духи предков ежедневно обслуживаются пищею и питьём. Для них выставляются пять сортов пищи, пять чашек вина и столько же чашек чая и вблизи кладутся пропитанные тёплой водою полотенца для омовения

и вытирания лица и рук, десять пар палочек для еды, иногда и календарь, дабы мёртвые могли следить за праздниками.

Не пригласить предков к участию в новогодних празднествах – это тяжкое нарушение приличий, позор для семьи, которая, увлёкшись собственными своими удовольствиями, позабыла свои обязанности по отношению к мёртвым. Даже дальние родственники, делающие новогодние визиты, подводятся к домашнему алтарю и оказывают знаки уважения таблицам предков. Самый маленький ребёнок семьи приносится сюда на руках матери, и его, одетого в праздничное платье, мать учит склонять головку перед таблицами.

Специальные поминовения усопших совершаются в три «праздника мёртвых», приходящиеся на третью, седьмую и десятую луны. В особенности важен весенний праздник поминовения мёртвых – Цин-Мин. В этот праздник даже те китайцы, которые окажутся вдали от своих родных мест, сочтут долгом, так или иначе, оказать своё внимание предкам. Не будучи в состоянии лично посетить семейные кладбища, отсутствующий китаец или посылает домой своего представителя для участия в поминовении усопших, или же сам исполняет некоторые обряды в доме, где ему случится быть. Для этой цели он приобретает бумажный мешок, украшенный изображениями двух человеческих фигур, окружённых символическими цветами. В промежутке между украшениями вписываются имена предков и подлежат поминовению. Мешок затем наполняется бумажными изображениями денег и помещается на кан вместе с пищевыми приношениями. Совершающий поминовение делает перед мешком земные поклоны с распростёртыми руками. Обряд кончается тем, что мешок с денежными приношениями выносится за уличные двери, где и сжигается.

Культ предков сыграл в истории Китая огромную роль, усиливая патриархальные начала в стране, поддерживая авторитет власти государственной, родовой и семейной. Глава семьи, которому вверялась такая важная религиозная функция, как соблюдение культа предков, и от которого поэтому во многом зависело семейное благополучие, получал должный авторитет. Все должны были повиноваться ему. Женщины должны были повиноваться мужчинам вообще, жены – своим мужьям, сестры – братьям, младшие члены семьи старшим. Даже дети должны были соблюдать между собою домашний закон старшинства.

---

[1] Джинко – весьма интересное дерево в Китае, ибо оно представляет единственную сохранившуюся в мире промежуточную форму между деревьями и папоротниками. В отдалённые времена оно было широко распространено, что доказывается его ископаемыми листьями, находимыми в некоторых странах в нижних геологических формациях. Являясь редким пережитком доисторических лесов, оно, помимо этого, поражает зрителя своей красотой. Дерево это можно найти при храмах в западных горах вблизи Бейпина (Пекина).

[2] В настоящее время тигр в пределах Китая встречается только в Маньчжурии. В прежние времена область распространения тигра в Китае была, несомненно, гораздо более широка, чем теперь. Вероятно, он встречался даже по всей территории собственного Китая. Только этим можно объяснить те весьма распространённые и весьма разнообразные поверья, которые в Китае связываются с тигром. Предания, относящиеся к жизни Конфуция, указывают, например, на наличие тигров в современной Шаньдунской провинции.

[3] Может быть, как пережиток культа гор, сохранился местами в Китае «праздник восхождения и высоты», в 9-й день 9-й луны. В этот день китайцы, преимущественно состоятельные, совершают экскурсии-пикники на несколько часов в окрестные холмы и горы. Среди практикуемых здесь развлечений часто фигурирует пускание кверху бумажных змей.

[4] Можно полагать, что в атмосфере культа земли и гениев почвы развилась постепенно известная китайская геомантическая система фэн-шуй.